

К ВОПРОСУ О ПРОТЕСТАНТСКОМ УКЛОНЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ И ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА (РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация: Статья посвящена анализу религиозных взглядов и церковной политики архиепископа Феофана Прокоповича, проводимому на предмет проверки оправданности стереотипного мнения о протестантском уклоне его религиозных взглядов и церковной административной деятельности. Артикулируется общее содержание обвинений архиепископа в протестантизме, выдвинутых его оппонентами и врагами, и по пунктам этих обвинений рассматриваются богословские и церковно-административные мнения Феофана Прокоповича для выяснения их конфессиональной направленности. В церковных произведениях и делах архиепископа выявляются те мысли, характеристики и тенденции, которые в некоторых аспектах давали его критикам основание расценивать их как неправославные и протестантские.

Ключевые слова: архиепископ Феофан Прокопович, протестантизм, Православие, Церковь, религиозные взгляды, мнения.

Цитирование: Щербаков Д.А. К вопросу о протестантском уклоне религиозных взглядов и церковной политики Феофана Прокоповича (религиоведческий анализ) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2021. Вып. 4 (21). С. 87-115.

Сведения об авторе: Щербаков Дмитрий Александрович – доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: am720@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.10.2021

Принята к публикации 15.11.2021

После ознакомления с общими сведениями о крупнейшем церковном деятеле Петровской эпохи посмотрим, наконец, что же протестантского находили во взглядах и деятельности Феофана Прокоповича его обвинители. Одним из этих пунктов было приписываемое архиепископу Феофану мнение о том, что человек оправдывается верой, а добрые дела его есть только проявления этой веры и сами по себе не могут спасти душу человека. Эти мысли были высказаны в сочинении «Книжица, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими, и трудность слова Петра Апостола о неудобноносимом законном иге, пространно предлагается» [6]. Критик этого сочинения архимандрит Феофилакт Лопатинский отмечал, что неправославными являются слова автора о том, что «Закона Божия никто, аще бы и зело праведен, совершенно исполнити не может. Человек ни благодать Божию, ни славу вечную заслужить себе у Бога добрыми делами своими, аще и зело спасительными не может. Не дается человеку от Бога правда внутренняя, но праведен бывает правдою Христовою, чрез веру себе приложенною, и единым невменением грехов от Бога. Обещания монашеская и прочая всеу бывают, понеже их человек исполнити не может, аще бы и зело был оправдан. <...> Кроме сих учит той же: яко едина вера без дел оправдает человека <...> яко ни едино дело доброе есть чисто и совершенно пред Богом и достойно воздаяния вечнаго» [17].

Согласно православному учению, спасение и оправдание достигается и верою, и делами – вообще одно без другого не мыслится. Так заповедовал и собственным примером учил жить сам Спаситель, так вещали пророки, апостолы, святые угодники, святые богословы и духовные писатели, так говорит весь коллективный голос единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Писание говорит, что «и бесы веруют и трепещут», и что «вера без дел мертва», и что «напрасно люди чтут Меня устами и языком». Об этом же учит и притча о разрушении дома, безрассудно построенного без основания на песке. Писание говорит, что судимы

мы будем каждый по своим делам, и, следовательно, по делам будем оправданы или осуждены. Святой Исаак Сирий писал, что «вера требует дел <...> да сопровождает веру твою приличное дело, и тогда услышит тебя Бог. Не старайся в горсти своей удерживать ветер, то есть веру без дел» [14, с. 632-633]. Святой Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» даже использует выражение «веруя делом» – т.е. вера для православного человека есть не только одно состояние души, отделенное от чего-то телесного, но и сама жизнь верующего христианина, проводимая в добрых делах. Так, преподобный Иоанн Дамаскин писал: «вера совершается через все то, что законоположено Христом: веруя делом, живя благочестиво и исполняя заповеди Того, Кто обновил нас. Ибо тот, кто не верует согласно с преданием католической Церкви, или кто через постыдные дела имеет общение с дьяволом, – неверен» [13, с. 284]. Таким образом, здесь видно, что делам придается большое значение – как добрым, так и злым, и само исполнение или воздержание от них считается в Православии неотъемлемыми составляющими самой веры в Бога.

В учении об оправдании одною верою, а не делами можно усмотреть схожесть мнения архимандрита Феофана с идеями лютеран, в Аугсбургском вероисповедании которых прямо говорится, что «благодать Божию человек обретает только посредством веры – независимо от собственных заслуг» [11, статья 20]. Эта мысль очень часто и настойчиво в союзе с разными доводами и выводами из нее повторяется в тексте Аугсбургского вероисповедания, что ясно свидетельствует о ее кардинальной важности в лютеранском учении. Из положения об оправдании одною только верою, а не делами у лютеран вытекают выводы о ненужности и необязательности соблюдения постов в строго определенные дни, монашеских обетов и вообще монашества как такового, вывод о ненужности многих обрядовых действий. Лютеране подкрепляют свое учение об оправдании одною только верою многочисленными ссылками на Священное Писание. Среди наиболее часто

приводимых цитат мы читаем слова апостола Павла из послания к Ефессянам: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Ефес.2:8-9), и слова из послания к Римлянам: «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией» (Рим.5:1-2). В послании к Галатам святой апостол Павел писал: «однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть» (Гал.2:16). «А если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал.2:21). Сказано очень ясно и недвусмысленно об оправдании одною только верою, а не делами. Вспомним также, что на вопрос изумленных учеников «так кто же может спастись?» сам Господь Иисус Христос сказал, что «человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Матф.19:25-26). Мы видим слова Писания, прямо утверждающие об оправдании одною только верою, и можно было бы подумать, что богословие Феофана Прокоповича в этом вопросе вполне православно, так как оно не расходится со словами Писания, и что лютеране полностью правы, но тут, видимо, мы имеем случай человеческого упрямства из-за цитаты, вырванной из контекста. Ведь при желании можно разглядеть множество мест Священного Писания, говорящих о спасении и оправдании делами. «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Матф.19:17); «От дней же Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Матф.11:12). В описании суда, когда отделит Господь праведных от неправедных, тоже сказано, что оправданы будут те, которые накормили алчущего, напоили жаждущего, приняли странника, одели нагого, посетили тех, кто болен, и тех, кто в темнице (Матф.25:31-46). Да и в самих словах «люби ближнего как самого себя» (Матф.19:19),

сказанных в ответ на вопрос «что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную» (Матф.19:16), конечно же, говорится о спасении и оправдании делами. Поэтому в религиозных межконфессиональных спорах мало кого убеждают тщательно подобранные односторонние цитаты, обосновывающие ту или иную мысль – нужен одновременно весь контекст. Учение надо понимать в его целостности. В случае со словами святого апостола Павла к Ефессянам мы тем более видим явную недосказанность, прочтем теперь те слова более полно: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Ефес.2:8-10). Итак, добрые дела – это наше предназначение, мы для этого созданы. Мнение лютеран, тоже вытекающее из своеобразно понятого учения об оправдании одною только верою без дел, мнение о ненужности монашеского жития и монашеских обетов тоже опровергается словами Спасителя о том, что «и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матф.19:29), а также «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Матф.19:21). Здесь, по сути, есть прямое указание на спасительную и совершенную монашескую жизнь, ибо в словах о добровольной нищете и нестяжательности, отказе от собственности, от жены и от всех мирских попечений, в словах об отречении своей воли и послушании в следовании за Христом содержатся все монашеские обеты и образ жизни.

Итак, Священное Писание надо читать и понимать целиком, от начала до конца, только тогда будет оправдана надежда правильно понять это учение, иначе получится «и враги человеку домашние его». Кроме этого, представляется несправедливым определять профессиональную принадлежность человека по

выбранным им для определенного случая в конкретном разговоре или наставлении местам из Священного Писания, ведь те же самые слова святого апостола Павла из послания к Ефесеянам об оправдании верою, а не делами вполне может приводить и православный верующий, и лютеранин. И, конечно же, странно и несправедливо было бы упрекать православного в уклоне в протестантизм только потому, что он употребит эти слова, например, если православный священник использует их в своей проповеди.

В понимании и интерпретации учения об оправдании есть важная тонкость – соборное послание святого апостола Иакова читают, конечно, все и все знают, что «вера без дел мертва» (Иаков.2:26), поэтому за выполнение дел любви и милосердия ратуют все, кто сами считают себя христианами – и православные, и католики, и протестанты – все убеждены, что дела тоже нужны и очень важны, без них немыслимо христианство, но, по мнению лютеран, дела эти есть не причина благодати Божией, изливаемой на человека, а наоборот, следствие изливания благодати [11, статьи 4, 5, 6, 20, 26]. Но само понимание слабости наших усилий и нищеты наших добрых дел постоянно присутствует и в православном учении, как написано: «Без Меня не можете творить ничего же» (Ин.15:5). Или в словах молитвы: «яко николиже сотворих благое пред Тобою» и «Вера же вместо дел да вменится мне, Боже мой, не обрящещи бо дел отнюд оправдающих мя. Но та вера моя да довлеет вместо всех, та да отвещает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоя вечная» [12, с. 9, 14]. Иначе благодать была бы уже не благодатью, не свободным даром бескорыстной любви Божией к нам, грешным, а заслуженным и востребуемым воздаянием за эти самые дела.

Критики и недруги Феофана, уличая его богословие в лютеранской ереси об оправдании одною только верою, совершенно несправедливо поносили и лютеран, и Феофана как людей, которые как будто бы решили совсем отказаться от выполнения дел любви и милосердия, от помощи ближним, от постов, обрядов

и от соблюдения заповедей. Так, митрополит Стефан Яворский в предисловии к трактату «Камень веры» писал про лютеран: «Приходят к нам в овечьих шкурах, а внутри волки хищные, отворяющие под видом благочестия двери всем порокам. Ибо что проистекает из этого нечестивого учения? Убивай, кради, любодействуй, лжесвидетельствуй, делай, что угодно, будь равен самому сатане по злобе, но только веруй во Христа, и одна вера спасет тебя. Так учат эти хищные волки» [5, с. 408]. Сам архиепископ Феофан, отвечая на такую критику, писал, что это слова человека, не знающего или сознательно искажающего лютеранское учение по усвоенной от католиков ненависти к ним.

Лютеране в Аугсбургском исповедании своей веры несколько раз прямо призывают к выполнению дел любви и милосердия, к помощи людям, только считают, что эти дела нельзя считать причиной оправдания Божия, даваемого грешным людям, наоборот – это последствия действия в человеке спасительной благодати, данной свыше. Лютеране полагают, что христианину не стоит по-фарисейски надеяться только на себя и свои силы и пытаться только строгим выполнением закона, предписаний, делами заслужить оправдание у Бога. Это не смиренное состояние духа внушает так поступать, но самонадеянность и гордыня. Сломленный борьбою и частыми падениями, человек, познав свою немощь, испорченность и удобопоползновенность ко греху, смиряется и вопиет как беспомощный младенец к Богу о прощении, о помощи и спасении, а дела – делает, конечно, по мере сил, что может и видит, что делает не чисто, а из корысти, и все равно тут же гордится, тщеславится и надмевается ими – «вот какой я хороший праведник – достоин благодати Божией и любви от человеков».

В нашем же анализе важна та мысль, что односторонне подобранные недоброжелателями места из проповедей и произведений архиепископа Феофана Прокоповича и представленные в доносах на него, разумеется, как и любые слова, вырванные из контекста, могут клеветнически создать одностороннее и неадекватное представление

о религиозно-конфессиональных взглядах этого человека. Сам Феофан Прокопович, оправдываясь перед следствием от обвинений, содержащихся в этих доносах, говорил, что невежественные клеветники частью приписали ему вовсе не его слова, частью – его, но в искаженном виде, а частью его слова, на поверку оказывающиеся выражением чисто православного учения. Так, в 1718 году в своем письме к профессорам Киевской академии Феофан Прокопович писал о возводимых на него обвинениях в доносе архимандритов Гедеоны Вишневого и Феофилакта Лопатинского: «Из выбранных артикулов иные были маловажны (они принадлежали нам, но были искажены), другие – православны, но добрыми богословами осуждены как ересь <...> И хотя ответ на клевету не был необходим, однако, чтоб яснее засвидетельствовать свою невинность и отнять у народа повод к соблазну, я дал ответ, и коротко, но ясно показал, что некоторые из этих артикулов ложно выдуманы, другие маловажны, но также выдуманы, а некоторые содержат наше учение, но православное, а противное тому – ересь» [15, с. 190].

Представляется, что в какой-то степени именно с подобной критикой мы имеем дело, когда читаем критику, данную молдавским господаром Димитрием Кантемиром на катехизическое сочинение Феофана Прокоповича «Первое учение отроком». Эта небольшая книжка, написанная «ради доброго детям воспитания в страхе Божиим», помимо букваря, содержит изложение десяти заповедей с комментариями, молитву «Отче наш» с объяснениями, песнь «Богородица Дево, радуйся», Никео-Цареградский Символ веры и изложение заповедей блаженств так же с комментариями. И это вполне православное учебное пособие для школьников Маркеллом Родышевским и Димитрием Кантемиром тоже было уличено в неправославии.

В завершение рассмотрения этого первого момента, расцененного упомянутыми современниками епископа Феофана как уклон в протестантизм, отметим своеобразное компромиссное мнение по этому сложнейшему богословскому вопросу, высказываемое

архиереем. «Феофан полагал, что человек оправдывается единой верой, но не одною ею спасается. Вера должна быть живой, а не мертвой и выражаться в добрых делах» [Там же. С. 54]. Такое вот неожиданное заключение, при близорукой сосредоточенности большинства людей, споривших по этому поводу на жесткой дилемме «вера – дела», а оказывается, что оправдание и спасение – не совсем синонимы православного понимания цели духовной жизни.

Здесь рассмотрим второй момент, сближающий, по мнению оппонентов Феофана Прокоповича, его религиозные взгляды с протестантским учением. Считается, что все протестанты признают единственным источником христианского вероучения и единственным авторитетом в вопросах веры одно только Священное Писание и отвергают авторитет Священного Предания, творения святых отцов Церкви. Критики богословских взглядов архиепископа Феофана усмотрели в его катехизисе «Первое учение отроком» подобный уклон в протестантизм. Димитрий Кантемир отмечает, что в этом катехизисе при наличии разбора мест из Писания (Десятословие, молитвы и заповеди блаженства) отсутствуют поучения на основе постановлений церковных соборов и сочинений святых отцов Церкви, и это-де сознательное умолчание и умаление сведений о христианстве [7]. Отметим сразу, что помещенный в этом букваре текст ортодоксального Никео-Цареградского Символа веры как раз-таки и является выражением коллективного голоса Церкви, составленным на Вселенских соборах. Так что данное обвинение в протестантском игнорировании Священного Предания и церковного соборного разума несправедливо. А тот факт, что в катехизисе не приводятся поучения святых отцов или подробно не излагаются каноны и объяснение устройства Церкви, означает не протестантское умолчание и неприятие всего этого, а свидетельствует о настоящем функциональном предназначении этой «малой и первой книжицы». Книжица сия именно малая – это самое краткое поучение и это есть первоначальная азбука,

после усвоения которой непременно нужно переходить к более обстоятельному и систематическому изложению и постижению основ христианства. Не было намерения у ее автора оставить ее одну и считать ее полным изложением Закона Божьего. Как раз об этом в «Духовном регламенте» Феофаном Прокоповичем сказано, что планируется написать три такие «краткие книжицы», причем как раз «Третью таковую, в которой собраны будут с разных Святых учителей ясные проповеди, как о главнейших догматах, так и наипаче о грехах и добродетелях, и собственно о должностях всякого чина» [2]. В том же документе им было написано, что под святыми учителями он подразумевает Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Афанасия Великого, Феофилакта Болгарского и других великих отцов Церкви. Далее, в том же Регламенте, сказано среди перечня обязанностей Епископов, что «Должны суть Епископы иметь всяк у себе соборы Вселенские и поместные, и что во оных заповедано, как их же самих чину, так и всему клиру должное, знать гораздо, что не может быть без прилежнаго и частаго чтения» [Там же]. Далее, в правилах для духовных училищ, Феофаном дается примерный перечень святых отцов, чьи произведения должны использоваться в семинариях для преподавания и воспитания будущих пастырей, и там мы тоже встречаем именно классический православный перечень наиболее авторитетных отцов Церкви и их произведений, к этому добавляется уже в который раз наставление читать деяния Вселенских и поместных соборов и их постановления, то есть изучать каноны. Так что мы видим, что в самом главном пункте протестантского воззрения на источники вероучения, авторитеты и ориентиры для христианской жизни никак нельзя упрекнуть Феофана Прокоповича. А раз нет в его религиозных взглядах этого главного протестантского корня, то весь его так называемый «протестантский уклон» – не более как раздутая в воображении его противников-консерваторов боязнь непривычного: живой мысли, просвещения и борьбы с ханже-

ством, ленью и суевериями. Не будем здесь путать просвещение как просвещение разума светом истины через развитие знания и образования с европейским вольтеровским «Просвещением» XVIII века как антицерковным культурно-философским явлением.

Возвращаясь к рассмотрению катехизиса, еще раз стоит подчеркнуть, что несправедливо упрекать малый букварь для детей, их первое тренировочное чтение с правильным начертанием самих букв в том, что он не является подробным и систематическим, обстоятельным изложением полного курса «Закона Божьего». Димитрий Кантемир упрекает автора катехизиса за то, что он весь Закон Божий свел только к десяти заповедям, через Моисея данным, но этот упрек – вероятно, есть результат недоразумения – ведь в определении понятия Закона Божьего в тексте катехизиса нет слова «только». Чтобы понять, почему был составлен именно такой учебник, нужно правильно оценить обстоятельства и условия, положение дел того времени, знать духовное состояние допетровской Руси. Это была страна с народом, только что пережившим великое духовное потрясение, – церковный раскол XVII века, и трагедия эта во многом была следствием народного невежества, бездумного обрядоверия, религиозной необразованности, не различавшей вероучение и обряд. Дух евангельского учения – горячий, но кроткий дух любви и милосердия мало усваивался людьми. Для его усвоения нужно было просвещение, постоянное чтение Писания, житий святых и святоотеческих книг, а большинство людей того времени и читать не умело. Как горько отмечал единомышленник епископа Феофана иеромонах Симон Кохановский, «из тысячи православных разве один знает молитву Господню и 10 заповедей» [3, с. 416]. То есть люди наши православные не знали даже основу основ, как можно было вместить этим людям глубины духовного опыта Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, Исаака Сирина и Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина

и других духовных писателей? К тому же, как писал в «Духовном регламенте» Феофан, «И хотя таковых книг есть довольно число, но се есть неудобное простому народу учение, ибо книги великих учителей писаны еллинским языком, и для простого люда не вельми понятны» [15, с. 87]. Кроме этого, опытный педагог-практик и духовный пастырь Феофан Прокопович резонно сетовал на плохую память у людей и в «Духовном регламенте» предлагал составить именно такие вот малые книжицы и регулярно, постоянно, круг за кругом прочитывать их народу в церквях после службы – тогда-то, может быть, люди крепко усвоят и запомнят хотя бы самые кратчайшие основы вероучения, без которых немислим дальнейший духовный рост и взросление.

Мечтой Феофана Прокоповича было появление именно малой книжицы, содержащей самые первые необходимые основы христианского вероучения, и эта мечта была реализована составлением и выпуском «Первого учения отроком», одобренного самим императором и Святейшим Синодом (а это значит, что его содержание коллективно было оценено как вполне православное) и ставшего на целое столетие основным школьным катехизисом в России.

Если же не критиковать текст за то, что в нем отсутствует (то есть за рассмотренную неполноту), а посмотреть, какие же именно слова этого текста конкретно говорят о важности одного только Священного Писания и отвергают Священное Предание, то тут мы обнаружим отсутствие таких слов. Рассмотрим, в какого рода местах может быть услышан, да и то с большой натяжкой, бледный намек на подобный «уклон в протестантизм». Так, в словах «Искати подобает от Священных Писаний яко от словес Божиих: что есть воля Божия; что нам творити; и чего блюстися повелевает Бог; и тое должны есмы отроком сказывати и прилежно водружати в память их, аще хоцем дати им доброе воспитание» [16] ревнителям Православия уже мнится протестантское признание авторитета одного только Священного Писания и от-

вержение Священного Предания, неприятие соборного голоса Церкви и забвение писаний святых отцов. Видимо, только потому, что в данном отрывке автор вовсе не упоминает Предания, и делается такой абсурдный вывод об его отвержении и сознательном неиспользовании. Вероятно, логика подобной критики предполагает, что вместе со ссылкой на Писание везде обязательно должно быть и упоминание о Предании, решениях Вселенских соборов и писаниях святых отец. Да, архиепископ Феофан считал Священное Писание главным и чистейшим источником христианского вероучения [15, с. 52]. Но если утверждается авторитет Священного Писания, то это вовсе не значит, что не признается или отвергается авторитет Священного Предания. Архиепископ Феофан не отвергал авторитета Священного Предания и соборного голоса Церкви, а наоборот, многократно в своих произведениях обращался к нему, призывал учиться и жить по канонам, решениям Вселенских соборов и по творениям святых отцов. Виктор Смирнов пишет, что предания Феофан Прокопович «считал вспомогательным средством для понимания Писания. Писание бесспорно выше божественного предания, как чистая божественная истина, свободная от примесей человеческих мнений, неизбежно односторонних. Нетрудно заметить здесь влияние протестантизма. Феофан этого не скрывал, полагая, что протестантское учение о Святом Писании вполне согласуется с православным» [Там же. С. 53]. Нина Петровна Гречишникова, обстоятельно рассматривая данный вопрос в своей статье «Дмитрий Кантемир и Феофан Прокопович: философско-религиозная полемика», утверждает, что «автор Катехизиса, толкуя первую заповедь, неявно продвигает протестантское воззрение на Святое Писание как на главный и исключительный источник христианского вероучения. <...> Феофан недвусмысленно заявляет, что Святое Писание есть необходимый и единственно верный источник православного богословия и что из священных преданий только те важны и обязательны, которые заповеданы непосредственно Христом

и апостолами. Таким образом, Феофан не признает ценности коллективного голоса Церкви в установлении и воспроизводстве религиозной традиции. Нельзя не заметить сочувственного отношения автора Катехизиса к протестантским взглядам на источники вероучения» [1, с. 288-289]. Трудно сказать, на чем основаны данные утверждения, ибо представляется, что даже с большой натяжкой можно расценить как утверждение о Святом Писании, являющемся единственно верным источником вероучения, только следующие слова из данного места Катехизиса: «Все же то все веруется, что не по слову Божию, но по легкомысленным рассказам и по бабьим басням веруется». Но очевидно, что тут говорится не о предании, по словам которого тоже верует православный человек, а о «легкомысленных рассказах» – негодных суевериях, которые следует отметить. Феофан Прокопович, как православный епископ и как образованнейший человек, равнодушный к состоянию Церкви, боролся с суевериями и идолопоклонством, которыми так грешит невежественная и темная народная религиозность. А многие консерваторы того времени, воспитанные на традиционном русском обрядовери, лишаясь этого своего бессознательного и сонного обрядоверия и крепко усвоенных суеверий, считали, что Феофан Прокопович как еретик и ниспровергатель святынь уничтожает саму Церковь и веру.

Здесь обратимся к рассмотрению таких аспектов религиозности Феофана, как отношение к обрядовой стороне христианства, отношение к монашеству, отношение к иконам, святым мощам, святым местам, чудесам и почитанию святых. Следует понять, отвергает ли Феофан Прокопович, подобно протестантам, эти составляющие религии или нет. Дело в том, что недруги архиепископа, такие как Маркелл Родышевский, утверждали, что он «не почитает учения святых отцов, не чтит святых икон, отрицает оправдание делами, водоосвящение называет суеверием, смеется над акафистами, мненьями, прологами, хулит церковное пение, хвалит лютеранские органы, желает искоренить монашество» [3, с. 421].

Феофан Прокопович просто не был бы архиепископом Русской Православной Церкви, если бы он как протестант отвергал или хулил бы эти составляющие христианства. Но раз подобные обвинения были, то что-то послужило для них основанием. Представляется, что основанием послужила сама проводимая Феофаном синодальная реформа Церкви, и здесь мы обратимся к рассмотрению «Духовного регламента» 1721 года – главного руководящего документа для Синода и управления церковными делами в синодальную эпоху (1700-1917 гг.). Этот документ по личному заказу царя Петра был написан Феофаном Прокоповичем с декабря 1718 по февраль 1720 года.

В разделе общих дел, подлежащих синодальному управлению, в первых десяти пунктах говорится об искоренении лжи и суеверий в жизни православного населения России. Все эти пункты выставлялись в доносе Родышевского как антиправославные [10]. На деле же они призывают к очищению народной религиозности от вымыслов, идолопоклонства и суеверий. Но Родышевский писал в таком духе, что под видом борьбы с суевериями Феофан Прокопович производит полное уничтожение Православия, православных традиций [8, с. 29-30]. Однако сам ход исторических событий показал, это такое истолкование намерений епископа Феофана было неверным. Так, в «Духовном регламенте» говорится: «Розыскать вновь сложенные и слагаемые Акафисты, и иные службы и молебны, которые наипаче в наши времена в малой России сложены суть не малое число, суть ли оная сложения писанию Священному согласная? И не имеют ли нечто в себе слову Божию противное, или хотя нечто непристойное и празднословное?» [2]. И дальше эти пункты выдержаны в таком же духе. Вполне ясно, что ничего неправославного в приведенном предписании нет. Далее в документе говорится: «Смотреть Историй Святых, не суть ли некия от них ложно вымышленныя, сказующия чего не было, или и Христианскому православному учению противныя, или бездельныя и смеху достойныя повести. И таковыя

повести обличить и запрещению предать со объявлением лжи во оных обретаемой. Ибо суть таковыя явственно ложныя и здравому учению противныя. <...> обаче духовному Правительству не подобает вымыслов таковых терпеть, и вместо здоровой духовной пищи отраву людем представлять» [Там же]. Здесь вопрос очень трудный и чреватый произволом. Конечно, православному человеку с одной стороны можно согласиться с тем, что нельзя допускать вымысел и тем более ложь в жития святых. Но, с другой стороны, кто и как, по каким критериям будет оценивать истинность и ложность житий святых, особенно древних? Как вообще можно оценить истинность или ложность рассказов о чудесах, ведь, по определению, чудеса – это необъяснимые, сверхъестественные необычные явления, выходящие за рамки понимания с точки зрения науки и здравого смысла? Как оценивать жития святых – по соответствию здравому рассудку (то есть мирскому мудрованию) или по соответствию «законам природы», еще, кстати, не открытым к тому времени? Таким рационалистическим декартовским подходом, таким сомнением вообще подрывается вера в чудеса, да и вообще религия как таковая. В этом пункте мы согласны усматривать протестантско-рационалистический дух сомнения, шедший от произведений и деятельности епископа Феофана.

Регламент также указывал: «Могут обрестися некия и церемонии непотребныя, или и вредныя» – водят в церковном ходе «жонку простовласую под именем Пятницы» по неким праздникам, и народ честь ей в церкви воздает с упованием некой пользы, производятся молебствия под дубом с благословением его ветвями и тому подобное. Регламент предписывает: «Розыскать, так ли деется и ведают ли о сем мест оных Епископи. Аще бо сия и сим подобныя обретаются, ведут людей в явное и стыдное идолослужение» [Там же]. Здесь видно, что Феофан Прокопович восстает не против надлежащего церковного обряда, как это делают протестанты, а против дикого и постыдного языческого суеверия, облеченного в новоявленный языческий обряд.

«О мощах святых, где какие явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано» [Там же]. Епископ Феофан тут приводит примеры таких обманов в Европе, когда мощи одного святого лежат и в одном месте, и в другом, «також много гвоздей Креста Господня. И много млека Пресвятой Богородицы по Италии, и иных сим подобных без числа» [Там же].

Феофана обвиняли чуть ли не в иконоборчестве, а он предписывал церковным властям «О иконах святых смотреть того, что во обещании поставляемых Епископов написано». «Еще сие наблюдать, чтоб как деялось, впредь бы того не было: понеже скажут, что нецыи Архиереи, для вспоможения церквей убогих, или новых построения, повелевали проискывать явления иконы в пустыне, или при источнице, и икону оную за самое обретение свидетельствовали бытии чудотворную» [Там же].

Обобщая все эти пункты, автор пишет: «словом рещи, что либо именем суеверия нарещися может, си есть лишнее, ко спасению не потребное, на интерес только свой от лицемеров вымышленное, а простой народ прельщающее, и аки снежные заметы, правым истины путем идти возбраняющее» [Там же]. Все подобное православному епископу следует искоренять, что и делал православный епископ Феофан Прокопович.

Епископам же, в числе прочих обязанностей, рассматриваемым нами документом предписывалось смотреть «дабы лишних безлюдных Церквей не строено, дабы иконам Святым ложных чудес не вымыслено; також о кликушах, о телесах мертвых не-свидетельствованных, и о прочих всего того добре наблюдать» [Там же]. Итак, все это делалось и предписывалось епископом Феофаном для того, чтобы народ «лжи за истину не принимал», а не для протестантского избавления от традиций, обрядов, от икон, почитания святых и т.д.

Для лучшего понимания истинных мотивов и целей церковной деятельности Феофана Прокоповича следует привести его собственные слова, красноречиво выражающие его собственное

мнение на этот счет: «когда нет света учения, не лъзя быть доброму Церкви поведению, не лъзя быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем <...> Убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и Церкви, аки корень, и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное» [Там же]. Эти идеи в Духовном Регламенте оформляются в конкретное предписание при всех архиерейских домах создать «дома училищные» – духовные школы, которые впоследствии все стали называться семинариями. В результате синодальная эпоха истории Русской Православной Церкви стала эпохой подлинного духовного просвещения православного народа России, эпохой развития духовного образования, давшего плоды в виде расцвета отечественной богословской мысли и церковно-исторической науки. Просвещение давало более совершенное понимание христианства. На основании слов самого Феофана Прокоповича можно сделать вывод о том, что он, как просветитель, как ценящий истину человек, боролся с религиозным невежеством народа, считая невежество основной причиной всего дурного и неправильного, что существовало тогда в жизни Церкви. Слова епископа вполне подтвердились делами: во всех епархиях открылись духовные школы, причем, санкт-петербургская школа самого Феофана Прокоповича при архиерейском доме на речке Карповке стала лучшей в России. Там преподавались «закон Божий, славянское чтение, русский, латинский и греческий языки, грамматика, риторика, логика, римские древности, арифметика, геометрия, география, история и рисование. Учителями были в основном иностранцы» [15, с. 130]. На занятиях царила легкость в изъяснении, сила в размышлении, восприимчивость духа и живая мысль, неподражаемая изящность и простота речи. Многие предметы вел сам Феофан Прокопович, который, как и другие учителя, щедро поддерживал учеников деньгами и посылал за свой счет лучших учеников за границу или в гимназию

при Академии наук. Огромная и уникальная личная библиотека архиерея всегда была открыта для всех желающих. Кроме семинарии, за свой счет Феофан Прокопович содержал сиротский дом.

В разделе о монашествующих «Духовный регламент» действительно вводил ряд новых ограничений на пострижение, что расценивалось потом в доносах архимандрита Маркелла Родышевского как попытка вовсе искоренить монашество. Это было, разумеется, грубым преувеличением. Так, среди новых ограничений, предписывалось не постригать людей, не достигших 30-летнего возраста, обязательно проходить 3-летнее послушание – проверку намерений желающих иноческого жития, не постригать солдат, так как таким способом многие желают избежать солдатской службы в условиях военного времени (все еще шла война со Швецией, да и потом были войны), не постригать самовольно бегущих от родителей, жены и детей (в случае, если домашние не препятствуют воцерковленной жизни, молитве и исполнению заповедей Божиих) и вообще постригать только по крепкому желанию, а никак не по обещанию и не по принуждению, как бывало нередко доселе. Составляя эти предписания, Феофан Прокопович рассуждал не только как епископ и духовный пастырь, но и как государственный, с точки зрения государственного интереса и соображений «общего блага», которыми руководствовался и Петр I, когда обосновывал ограничительные меры по отношению к монашеству. И здесь мы видим отход от православных традиций, ведь традиционно полагалось, что всякий бегущий от мира человек может обрести последнее земное пристанище в монастыре и после долговременного послушания верные и готовые могут принять постриг. Итак, здесь некоторые ограничения являются отходом от православной традиции, но мы видим, что этот отход был вызван не протестантским мнением о ненужности монашеских обетов, а соображениями государственного интереса, как его понимал верный помощник царя епископ Феофан в условиях создания абсолютистского тоталитарного государства.

Потом, уже после утверждения «Духовного регламента» и создания Святейшего Синода, последовали «разборы» жительствовавших по монастырям с записью непостриженных насельников и послушников в рекруты да в крепостные у многих противников церковной реформы (да и вообще всех реформ Петра), правда сложилось мнение о стремлении властей искоренить монашество на манер протестантов, которые постоянно окружали императора и были его советниками и соратниками. Ввиду этого вполне понятно заблуждение наших ревнителей «древлего благочестия» и старины относительно истинных мотивов деятельности императора и его академии – псковского епископа.

Почва для обвинений Феофана Прокоповича в стремлении уничтожить Церковь создавалась и питалась казенной грубостью и многочисленными перегибами, с которыми шло практическое осуществление церковной реформы. Эта реформа сопровождалась разорением и закрытием часовен, отбиранием имущества у Церкви, пытками юродивых, пустосвятов, самозванных пророков, ханжей и кликуш до тех пор, пока не сознаются в своем обмане, прикрывающем их тунеядство. Царь Петр получил от иерархов освобождение от соблюдения поста для войска, да и сам со своими офицерами не всегда соблюдал посты, что для древнерусского религиозного благочестия было показателем еретичества и безбожия. Монахов подозревали и обвиняли в тунеядстве, в бегстве от работы и службы, от семейного долга под благовидной личиной ангельского жития. Даже в тончайшее дело совести – в то, кому и как милость подать, вмешивался государственный синодальный циркуляр, указывая, что не надо кормить тунеядцев и лодырей, потакая не желающим трудиться обманщикам. Болезненными для русской религиозной совести были беспощадные обличения царем и его Святейшим Синодом выдумок и подделок в виде святых мощей и чудотворных плачущих икон. Эти случаи описаны в литературе, не будем здесь этого повторять [3, с. 402]. Но для прояснения нашей проблемы отметим, что по-

добные перегибы давали повод противникам реформы обвинять Феофана Прокоповича, да и самого царя в еретичестве и попытках искоренить Церковь подобно тому, как западные протестанты боролись против католической Церкви [10]. Однако, на наш взгляд, виной этой жестокости и перегибов были не замыслы Феофана, а, скорее, внешние причины – в том жестоком военном времени так работала тогда бездушная государственная машина, так служили, а подчас и выслуживались офицеры и чиновники, так подстегивал действовать грубый, горячий и порывистый нрав царя Петра I.

И все же, в исторической литературе устоялась оценка церковной реформы, проведенной Петром I руками и умом Феофана Прокоповича, как преобразования, нарушившего православные каноны и создавшего уродливое казенное положение Русской Православной Церкви и неканоническую систему ее управления. Этой реформой, отменившей патриаршество, было нарушено 34 апостольское правило, по которому «Епископам всякого народа подобает знать первого из них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения; творить же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух» [4, с. 10]. Синод был поставлен под непосредственное подчинение императору, и его члены, давая присягу, вынуждены были приносить клятвы, нарушая слово Спасителя «не клянись вовсе». Также пастыри обязывались, нарушая тайну исповеди, доносить властям о преступлениях государственной важности, что является не просто грубым нарушением, но вынуждает людей не исповедовать вовсе свои грехи, а этим закрывается дверь ко спасению. Сакральная неотмирная сущность Церкви плохо понималась Петром Великим, на все он смотрел с точки зрения практической пользы, и сама Церковь была специально поставлена на службу

государственным интересам. Яркий публицист славянофил И.С. Аксаков так характеризовал положение Церкви в синодальный период: «...убыла душа; подменен идеал, т.е. на месте идеала церкви очутился идеал государственный, и правда внутренняя замещена правдой формальной, внешней <...> Церковь со стороны своего управления представляется теперь у нас какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей с неизбежной, увы, канцелярской ложью порядки немецкого канцеляризма к спасению стада Христова» [5, с. 375].

Традиционный для православной Руси строй государственно-церковных отношений, характеризуемый как симфония, был изменен в соответствии с протестантским принципом территориализма. «По протестантским каноническим системам церкви, находящиеся на территории данного государства в высшем управлении своем зависят от главы данной территории <...> Это так называемый канонический территориализм. Феофан явно мыслил решение церковно-государственной проблемы именно в духе протестантского территориализма» [Там же. С. 345].

Огромную власть в Синоде приобрел светский чиновник – обер-прокурор и сам Синод становился как бы государственным ведомством православного исповедания. Казенщина, принуждение и бюрократизм душили духовную жизнь народа, порождая ложь и лицемерие – именно то, с чем боролся всю жизнь Феофан Прокопович. Результаты реформы, проводимой им, вместо одной лжи и лицемерия породили другую ложь, заквашенную уже не невежеством, а чиновничьим произволом, черствостью и безверием. Однако представляется, что, по большей части, моменты нарушения канонов, отхода от Православия в ходе реформы были проявлениями не протестантского уклона религиозности архиепископа Феофана, а его горячей поддержкой идеи абсолютизма монархической власти и общими рационалистическими веяниями научной революции XVII века и первыми проявлениями философии Просвещения XVIII века, когда освященные

временем средневековые воззрения и традиции революционно выносились на суд свободного человеческого разума, вооруженного эмпирическим подходом и движимого скептицизмом и картезианским духом сомнений. Дух борьбы и восстания против невежества и человеческих вымыслов – реформаторский дух роднил религиозность западных протестантов и религиозность Феофана Прокоповича.

На наш взгляд, религиозность Феофана Прокоповича уподоблялась протестантской религиозности именно своей психологической стороной – самим духом восстания против вымыслов, лжи и суеверий, идущих от людей и привносимых в религию. Как позволили себе не смириться, а восстать против обмана, корысти и ряда освященных временем традиций в жизни католической Церкви Мартин Лютер и его последователи, так восстал против человеческих вымыслов, невежества, лицемерия, ханжества, лжи и суеверий в жизни православной российской Церкви, а, точнее – в жизни ее народа Феофан Прокопович. Выражаемая здесь оценка религиозности архиепископа Феофана высказывалась еще А.В. Карташевым в словах о том, что царь Петр, не обретя единомышленника в Стефане Яворском, «вскоре подыскал себе другого иерарха-западника, но либерала и убежденного реформатора, столь же психологически протестантствующего, как и сам Петр» [Там же. С. 330]. Итак, в епископе Феофане мы видим скорее психологический тип «протестантствующей» натуры, характера, чем, собственно, конфессионально протестантский тип религиозного мировоззрения. Его религиозное мировоззрение было православным.

Жизненная позиция борца с указанными тут явлениями роднила религиозность российского архиепископа с протестантской религиозностью, и общим было практическое следствие этих интенций и настроений – как Реформация в Европе, так и церковная реформа в российской Церкви, мощное движение преобразования церковной жизни. При этом, так как за образец устройства церковно-государственных отношений вместо присущей право-

славной Византии симфонии был взят протестантский принцип территориализма, то наша российская реформа, проводимая царем Петром и епископом Феофаном, создавала внешние рамки, формы и условия жизни Церкви, не во всем, а лишь в некоторых чертах подобные формам и условиям существования протестантских церквей Германии, Швеции и ряда других европейских стран. Но эта наша реформа не затронула и не изменила вероучения российской Церкви, которое осталось строго ортодоксальным, несмотря на форму организации государственно-церковных отношений, перенятую у протестантов.

Таким образом, религиозные догматические взгляды архиепископа Феофана Прокоповича, частью ошибочно, а частью и клеветнически расцениваемые его современниками как протестантские, носили православный характер, но психологически протестантствующий характер этого человека, стремившегося к духовному просвещению народа и восставшего против мракобесия, лжи, идолопоклонства и суеверий, выразился в бурной реформаторской деятельности, придавшей Российской Церкви заимствованные у протестантов формы организации ее управления и церковно-государственных отношений.

Литература

1. Гречишникова, Н.П. *Дмитрий Кантемир и Феофан Прокопович: Философско-религиозная полемика* / Н.П. Гречишникова. – Текст : непосредственный // *Манускрипт*. – 2018. – № 12 (98). Ч. 2. – С. 286-290.

2. *Духовный регламент Петра I 1721 года* // *Монастырский хронограф. Сайт синодального отдела по делам монастырей и монашества Белорусского Экзархата московского Патриархата*. – URL: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyu-reglament-petra-i-1721-ujl/ (дата обращения: 10.08.2021). – Текст : электронный.

3. Знаменский, П.В. *Руководство к русской церковной истории*. – Минск : Белорусский Экзархат, Харвест, 2005. – 575 с. – Текст : непосредственный.

4. *Каноны или книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец*. – Минск : Братство в честь св. Архистратига Михаила. – 287 с. – Текст : непосредственный.

5. Карташев, А.В. *Собрание сочинений: в 2 т. Том 2: Очерки по истории Русской Церкви*. – М. : Терра, 1992. – 569 с. – Текст : непосредственный.

6. Корзо, М.А. «Иго неудобноносимое». *К истории одной дискуссии о Декалоге в русской мысли начала XVIII в.* – URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/postigaya_dobro.pdf (дата обращения: 15.08.2021). – Текст : электронный.

7. Корзо, М.А. *Катехетические сочинения Феофана Прокоповича / М.А. Корзо*. – Текст : непосредственный // *Славянский альманах*. – 2014. – С. 263-280.

8. Крашенинникова, О.А. «Индекс отреченных книг» архимандрита Маркелла Родышевского (к истории духовной цензуры в России) / О.А. Крашенинникова. – Текст : непосредственный // *Два века русской классики*. – 2019. – Том. 1. – № 1. – С. 8-33.

9. Крашенинникова, О.А. *Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (Часть I)* / О.А. Крашенинникова. – Текст : непосредственный // *Культурное наследие России*. – 2015. – С. 49-55.

10. Крашенинникова, О.А. *Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (Часть 2)* / О.А. Крашенинникова. – Текст : непосредственный // *Культурное наследие России*. – 2016. – С. 50-56.

11. Меланхтон, Филипп. *Аугсбургское вероисповедание (Германия, 25 июня 1530)*. – URL: <http://www.illuminats.ru/home/32---xvi--xvii-/2451-augsburg-confession> (дата обращения: 22.07.2021). – Текст : электронный.

12. Молитвослов православного христианина с правилом ко святому причащению. – М. : Приход храма Святого Духа Сошествия, 2003. – 96 с. – Текст : непосредственный.

13. Иоанн Дамаскин, св. прп. Точное изложение православной веры. – М. : Братство святителя Алексия. – Ростов-на-Дону: Приазовский край, 1992. – 465 с. – Текст : непосредственный.

14. Исаак Сирин, св. прп. Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова подвижнические. – М. : Лента Книга, 2010. – 800 с. – Текст : непосредственный.

15. Смирнов, В.Г. Феофан Прокопович. – М. : Соратник, 1994. – 224 с. – Текст : непосредственный.

16. Феофан Прокопович. Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004092116?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 22.07.2021). – Текст : электронный.

17. Хондзинский, Павел, протоиерей. «Ныне все мы болеем теологией»: из истории русского богословия предсинадальной эпохи. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Hondzinskij/nune-vse-my-boleem-teologiej-iz-istorii-russkogo-bogoslovija-predsinodalnoj-epohi/7 (дата обращения: 10.08.2021). – Текст : электронный.

D.A. Shcherbakov

ON THE QUESTION OF THE PROTESTANT BIAS OF RELIGIOUS VIEWS AND CHURCH POLICY OF FEOFAN PROKOPOVICH (RELIGIOUS STUDIES)

Abstract: The article is devoted to the analysis of religious views and church policy of Archbishop Feofan Prokopovich, conducted to verify the justification of the stereotypical opinion of the Protestant bias of his religious views and church

administrative activities. The general content of the archbishop's accusations of Protestantism made by his opponents and enemies is articulated, and theological and church-administrative opinions of Feofan Prokopovich are considered on the counts of these charges to clarify their confessional orientation. In the church works and deeds of the archbishop, those thoughts, characteristics and trends are revealed that in some aspects gave his critics reason to regard them as non-Orthodox and Protestant.

Key words: Archbishop Feofan Prokopovich, Protestantism, Orthodoxy, Church, religious views, opinions.

References

1. Grechishnikova N.P. Dmitrij Kantemir i Feofan Prokopovich: Filozofsko-religioznaja polemika [Dmitry Kantemir and Feofan Prokopovich: Philosophical and religious polemics]. In *Manuscript*. 2018. No. 12 (98), Part 2, pp. 286-290.

2. Duhovnyj reglament Petra I 1721 goda [The spiritual regulations of Peter I of 1721]. In *Monastyrskij hronograf. Sajt sinodal'nogo ot-dela po delam monastyrej i monashestva Belorusskogo Jekzarhata moskovskogo Patriarhata* [Monastic chronograph. Website of the Synodal Department for Monasteries and Monasticism of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate]. [Electronic resource]. Mode of access: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl / (accessed: 08/10/2021).

3. Znamenskij P.V. Rukovodstvo k ruskoj cerkovnoj istorii [Guide to Russian Church History]. Minsk, 2005, 575 p.

4. Kanony ili kniga pravil svjatyh apostol, svjatyh soborov, vselenskikh i pomestnyh, i svjatyh otec [The canons or the book of rules of the Holy apostles, the holy councils, ecumenical and local, and the Holy father]. Minsk, 287 p.

5. Kartashev A.V. Sobraenie sochinenij: v 2 t. Tom 2: Oчерki po istorii Russkoj Cerkvi [Collected works: in 2 vols. Volume 2: Essays on the history of the Russian Church]. Moscow, 1992, 569 p.

6. Korzo M.A. «Igo neudobonosimoe». K istorii odnoj diskussii o Dekaloge v russkoj mysli nachala XVIII v. [«The yoke is unbearable». To the history of a discussion about the Decalogue in Russian thought at the beginning of the XVIII century]. [Electronic resource]. Mode of access: https://iphras.ru/uplfile/ethics/postigaya_dobro.pdf (accessed: 08.15.2021).

7. Korzo M.A. Kateheticheskie sochinenija Feofana Prokopovicha [The catechetical works of Feofan Prokopovich]. In *Slavjanskij al'manah* [Slavic almanac]. 2014, pp. 263-280.

8. Krasheninnikova O.A. «Indeks otrechennyh knig» arhimandrita Markella Rodyshevskogo (k istorii duhovnoj cenzury v Rossii) [«Index of renounced books» by Archimandrite Markell Rodyshevsky (on the history of spiritual censorship in Russia)]. In *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of Russian classics]. 2019. Vol. 1, No. 1, pp. 8-33.

9. Krasheninnikova O.A. Sinodal'nye reformy petrovskogo vremeni i krizis tradicionnyh predstavlenij o svjatosti (Chast' I) [Synodal reforms of Peter's time and the crisis of traditional ideas about holiness (Part I)]. In *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia]. 2015, pp. 49-55.

10. Krasheninnikova O.A. Sinodal'nye reformy petrovskogo vremeni i krizis tradicionnyh predstavlenij o svjatosti (Chast' 2) [Synodal reforms of Peter's time and the crisis of traditional ideas about holiness (Part 2)]. In *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia]. 2016, pp. 50-56.

11. Melanchthon, Philip. Augsburgskoe veroispovedanie (Germanija, 25 ijunja 1530) [Augsburg Confession (Germany, June 25, 1530)]. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.illuminats.ru/home/32---xvi--xvii-/2451-augsburg-confession> (accessed: 22.07.2021).

12. Molitvoslov pravoslavnogo hristianina s pravilom ko svjatomu prichashheniju [The prayer book of an Orthodox Christian with the rule for holy communion]. Moscow, 2003, 96 p.

13. John of Damascus, St. Rev. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very [The exact exposition of the Orthodox faith]. Moscow, 1992, 465 p.

14. Isaac the Syrian, St. Rev. Prepodobnogo otca nashego Isaaka Sirina slova podvizhnicheskie [The words of our Reverend Father Isaac the Syrian are ascetic]. Moscow, 2010, 800 p.

15. Smirnov V.G. Feofan Prokopovich [Feofan Prokopovich]. Moscow, 1994, 224 p.

16. Feofan Prokopovich. Pervoe uchenie otrokom, v nem zhe bukvy i slogi [The first teaching of the boy, it also contains letters and syllables]. [Electronic resource]. Mode of access: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004092116?page=1&rotate=0&theme=white (accessed: 22.07.2021).

17. Hondzinskij P., Archpriest. «Nyne vse my boleem teologiej»: iz istorii russkogo bogoslovija predsinal'noj jepohi [«Now we all have theology»: from the history of Russian theology of the pre-Synodal era]. [Electronic resource]. Mode of access: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Hondzinskij/nyne-vse-my-boleem-teologiej-iz-istorii-russkogo-bogoslovija-predsinalnoj-epohi/7 (accessed: 10.08.2021).